

Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева.

Въ сентябрѣ прошлаго 1878 года двое мѣстныхъ кладоискателей (мѣщанъ) испросили разрѣшеніе произвести поиски на горѣ Кудрявцѣ въ усадьбѣ, принадлежащей митрополитанскому дому и занятой въ настоящее время огородомъ. Мѣстность, обратившая на себя вниманіе мечтателей о зарытыхъ въ землѣ сокровищахъ, дѣйствительно носитъ на себѣ слѣды въ былыя времена населенной, но потомъ издавна уже опустѣвшей мѣстности. По всему пространству довольно обширной усадьбы почва содержитъ въ себѣ весьма значительную массу кирпичнаго и известковаго щебня, а на мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время жильѣ огородника, представляетъ такія возвышенія изъ смѣспземли съ щебнемъ, какія могли образоваться только послѣ бывшихъ тамъ въ болѣе или менѣе отдаленное время жилыхъ зданій. Но приманкою для кладоискателей, какъ оказалось, была не мѣстность занятая собственно огородомъ и жильемъ огородника, а стоявшій въ концѣ огорода на самой окраинѣ выдающейся къ Подолу горы значительнаго объема курганъ. Съ сѣверной, восточной и южной стороны кургана ясно обозначались давнишніе рвы, которыми онъ очевидно былъ нарочито окруженъ. Съ тѣхъ же самыхъ сторонъ по окраинамъ рва росло нѣсколько старыхъ липъ. Въ пяти—шести саженьяхъ къ западу и сѣверо-западу начинался крутой обрывъ ущелья, по которому идетъ такъ называемый вознесенскій (иларіо-повскій) спускъ, дѣлающій въ этомъ пунктѣ поворотъ къ

Подолу; обрывъ скрывалъ мѣстность кургана отъ всякихъ прохожихъ и проѣзжихъ и придавалъ ей особый характеръ уединенія. Ближайшая обстановка кургана, наводившая на мысль, что въ немъ есть что-то, привлекавши къ нему въ былыя времена вниманіе, уединенное и вмѣстѣ выдающееся положеніе его на отрогѣ горы, вдвигающемся въ промежутокъ, оставленный двумя другими, въ преданіяхъ знаменитыми Кіевскими горами—Щекавикою и Уздыхальницею (она же Кисилевка, Замковая гора), въ связи съ какими-то темными рассказами о Кіевскихъ кладахъ, и направили искателей послѣднихъ именно на курганъ. Курганъ былъ разрытъ; по оказался состоящимъ изъ кирпичнаго и известковаго щебня и мусора, отъ времени только закрывшагося сверху наносною пылью и обросшаго дерномъ, а вмѣсто ожидаемаго клада обнаружилъ внутри остатки стѣнъ древняго зданія. Не отдавая себѣ по невѣжеству отчета, какого рода зданію могли принадлежать эти стѣны, любители припасенныхъ дѣдами сокровищъ продолжали углубляться въ разныхъ мѣстахъ внутри опредѣлившагося стѣнами пространства тѣмъ съ большею, и болѣе достойною сожалѣнія—ревностію, чѣмъ менѣе могли объяснить для себя встрѣчу въ стѣнахъ или мусорѣ такихъ предметовъ, какъ каменные продолговатыя плиты изъ краснаго шифера, и т. п. Все это продолжалось, пока распространившіеся слухи, что найденные остатки зданія должны были по всѣмъ видимостямъ принадлежать церкви, не побудили ихъ прекратить поиски и не засыпать нарочито сдѣланныхъ углубленій.

Къ сожалѣнію, до членовъ церковно-археологическаго Общества при Академіи слухи эти дошли слишкомъ поздно. Когда мы явились на мѣсто раскопокъ, работы кладочискателей были уже покончены, найденныя ими плиты изъ краснаго шифера свезены съ мѣста, а курганъ представлялъ собою ровную круглую площадь, имѣвшую въ діаметрѣ около десяти саженей, съ едва замѣтно выступавшими посреди ихъ остатками стѣнъ. Кладка стѣнъ, направленіе ихъ линій, свой-

ство щебня, изъ котораго курганъ состоялъ, масса повсюду разбросанныхъ кусковъ стѣнной штукатурки, окрашенной въ различные цвѣта, повсюду также разбросанные обломки краснаго шифера, не оставляли никакого сомнѣнія, что передъ нами былъ курганъ, послужившій могилою одной изъ древнѣйшихъ церквей Кіева. Замѣчательные же по всей примыкающей къ нему мѣстности признаки когда-то бывшаго тамъ значительнаго населенія, а особенно рѣдкая и для Кіева красота мѣстоположенія кургана, обставленнаго со всѣхъ почти сторонъ привлекательными видами Кіевскихъ горъ, а чрезъ промежутокъ Щекавики и Киселевки представляющаго и широкій видъ на Подоль, Днѣпръ и Заднѣпровье, наводили сами собою на мысль, что погребенная въ этомъ курганѣ церковь не была одною изъ тѣхъ церквей древняго Кіева, которыя заносились въ лѣтописныя сказанія только счетомъ. Осмотрѣвъ плиты, свезенныя съ мѣста кладоискателями, мы нашли между ними нѣсколько большихъ четырехугольныхъ, употреблявшихся обыкновенно въ кладку древнихъ церковныхъ стѣнъ у основанія сводовъ и арокъ, и своими выпусками образывавшихъ красные шиферные карнизы по стѣнамъ, а двѣ плиты меньшихъ размѣровъ, имѣющихъ круглую форму съ отверстіемъ въ центрѣ, обыкновенно употреблявшихся въ основаніе капителей на колоннахъ или полуколоннахъ древнихъ церквей. Доложивъ объ этомъ открытіи церковно-археологическому Обществу при Академіи, мы, согласно порученію его, произвели во второй половинѣ прошлаго октября, на сколько позволили то условія осенняго времени, подробнѣе обследованіе сохранившихся остатковъ древняго зданія.

Приступая къ раскопкамъ съ своей стороны, мы имѣли сперва нѣкоторые основанія предполагать, что найдемъ остатки стѣнъ сохранившимися еще до значительной высоты. Уровень, на которомъ онѣ обозначились въ курганѣ, казался возвышающимся отъ полутора до двухъ сажени надъ понижающеюся вокругъ него площадью горы. Въ случаѣ, еслибы

остатки стѣнъ оказались имѣющими приблизительно ту же высоту, мы надѣялись найти на нихъ болѣе или менѣе значительные остатки живописи, о которой говорила масса окрашенной штукатурки въ курганѣ. Мы приступили поэтому съ особою осторожностію къ очисткѣ отъ щебня и мусора внутренняго пространства церковнаго зданія, очерченнаго стѣнами, въ предположеніи—принять немедленно мѣры къ прикрытію стѣнъ временною кровлею, если бы на нихъ дѣйствительно обнаружился значительные остатки орнаментовъ. Но этимъ надеждамъ нашимъ осуществиться не было суждено. Скоро мы должны были убѣдиться, что если такіе остатки орнаментовъ и были на стѣнахъ, пока курганъ былъ не тронутъ, то они успѣли исчезнуть подъ лопатами и ломами кладонскателей, изрывшими внутренность церкви особенно у ея стѣнъ. Все, что мы успѣли открыть при этомъ, ограничилось двумя-тремя незначительными кусками штукатурки, носившими слѣды самаго незатѣйливаго орнамента, или въ видѣ лентъ, окаймлявшихъ исчезнувшіе рисунки снизу, какъ въ сѣверномъ алтарномъ полукружії, или въ видѣ двухъ такого же назначенія цвѣтныхъ полосокъ, проведенныхъ параллельно одна другой и соединенныхъ между собою цвѣтными же зигзагами, или наконецъ въ видѣ незначительныхъ остатковъ рисунка, изображавшаго повидимому растеніе. Да и самыя стѣны церкви оказались уцѣлѣвшими не болѣе, какъ на полутора аршина высоты. Последнее обстоятельство, имѣвшее особенно неожиданный характеръ, показало намъ объяснимымъ только двумя предположеніями: или церковь съ самаго начала была заложена на курганѣ, и потому съ самаго же начала имѣла фундаментъ выше уровня окружавшей ея мѣстности; или сама окружавшая церковь мѣстность, представляющая собою наклонъ горы, постепенно отъ дождей и стока воды понижалась, оставляя на прежнемъ уровнѣ фундаментъ и стѣны церковныя, плотно прикрытыя изъ нихъ же образовавшимся щебнемъ и мусоромъ. Первое предположеніе подтверждается повидимому тѣмъ, что подъ

фундаментомъ церкви, заложеннымъ вообще весьма не глубоко, мы не встрѣчали такъ называемаго материка, а находили только наносную и перемѣшанную съ углемъ землю; равно—и слышаннымъ нами мелькомъ названіи урочища этого „Ольговою могилою“ (хотя подобное названіе, слышанное нами изъ устъ простой женщины, могло произойти и независимо отъ первоначальнаго вида мѣстности, гдѣ стояла церковь).

Убѣдившись въ полномъ почти разрушеніи церковныхъ стѣнъ, мы поставили задачею дальнѣйшихъ на мѣстѣ ея раскопокъ возможно точное опредѣленіе плана и размѣровъ церкви и изысканіе тѣхъ или иныхъ данныхъ для разъясненія ея первоначальнаго сооруженія и послѣдующей судьбы. Продолжая очищать отъ щебня и мусора внутреннее пространство бывшей церкви, а отчасти и наружныя стороны остатковъ ея зданія, мы нашли слѣдующее.

Площадь, которую церковь занимала, имѣла видъ продолговатаго прямоугольника заканчивавшагося тремя полукружіями (абсидами) къ востоку. Въ срединѣ ея сохранились остатки четырехъ столбовъ, служившихъ, очевидно, основаніемъ для бывшаго надъ нею купола. Отъ двухъ изъ этихъ столбовъ къ востоку, оставляя незначительный проходъ, начинались стѣны средняго и боковыхъ алтарныхъ полукружій, сливавшихся потомъ съ сѣвornoю и южною стѣнами церкви. Затѣмъ, уголъ церкви сѣверо-западный былъ выгороженъ изъ общаго пространства церкви двумя простѣнками, однимъ—отъ сѣверо западнаго внутренняго столба къ стѣнѣ сѣвornoй, и другимъ—отъ того же столба къ стѣнѣ западной, съ узкими посрединѣ дверьми въ обоихъ. Уголъ юго-западный подобной отгородки не имѣлъ. Въ южной стѣнѣ его остались слѣды ниши, имѣвшей въ длину 2 арш. и 10 вершковъ и въ глубину не менѣе аршина. Въ церковь вело снаружи двое дверей, однѣ съ запада, другія съ сѣвера. Порогомъ для послѣднихъ съ наружной стороны служила длинная, вложенная концами въ стѣны плита изъ крас-

наго шифера. Все пространство, занятое церковію, имѣло сравнительно небольшіе размѣры. Внутренность церкви по направленію отъ запада къ востоку, едва достигала шести саженей, а отъ сѣвера къ югу—четырехъ.

Обращаясь къ кладкѣ самыхъ стѣнъ, мы нашли фундаментъ ихъ глубиною не болѣе полуаршина. Фундаментъ этотъ заложенъ на слоѣ битаго и залитаго известію кирпича. Послѣдній имѣетъ также незначительную глубину и лежитъ, какъ замѣчено, на почвѣ наносной, перемѣшанной съ остатками угля и т. п. Какъ подъ фундаментомъ и въ фундаментѣ, такъ въ наружныя церковныя стѣны и во внутренніе столбы употребленъ былъ кирпичъ одинаковаго вида. Въ цѣльныхъ образцахъ своихъ кирпичъ этотъ имѣетъ семь вершковъ длины на пять вершковъ ширины и вершокъ толщины. Какъ въ фундаментѣ, такъ въ наружныхъ стѣнахъ и во внутреннихъ столбахъ онъ клался одинаково на толстыхъ слояхъ цемента пзъ толченаго кирпича съ известію. Употребленіе въ кладку вмѣстѣ съ кирпичемъ камня подтверждается множествомъ обломковъ краснаго шифера и цѣльными массивными кусками желѣзняка въ щелѣ какъ внѣ, такъ и внутри пространства, очерчиваемаго стѣнами церкви. Но отъ кладки фундамента, наружныхъ стѣнъ и внутреннихъ столбовъ церкви рѣзко отличалась кладка тѣхъ простѣнковъ, которыми заложены были пролеты между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣвѣрною стѣною съ одной стороны, и тѣмъ же столбомъ и западною стѣною съ другой и которые, какъ замѣчено, выгораживали изъ общаго пространства церкви ея сѣверозападный уголъ. Первый изъ этихъ простѣнковъ сложенъ изъ того же кирпича, какъ и стѣны наружныя, столбы и фундаментъ, но сложенъ не на цементѣ, а на обыкновенной известковой подмазкѣ; а второй простѣнокъ, между сѣверозападнымъ столбомъ и западною стѣною, сложенъ не только на обыкновенной известковой подмазкѣ но и изъ кирпича совершенно особой формы. Послѣдній кирпичъ имѣетъ въ длину шесть вершковъ, какъ и кирпичъ теперешній, но въ

ширину не болѣе $2\frac{2}{3}$ вершковъ, а въ толщину не менѣе $1\frac{1}{2}$ вершка. Сверхъ того каждый кирпичъ, имѣя съ одной стороны свою широкую поверхность гладкою, съ другой представляетъ на этой поверхности продольныя желобчатыя полосы, образовавшіяся очевидно отъ очистки сырой массы кирпича пальцами при ручной отдѣлкѣ его формы до обжого.

Оба эти простѣнка, а особенно второй изъ нихъ, послужили для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ церковію, подвергавшеюся исправленіямъ въ періодъ сравнительно позднѣйшій послѣ ея первоначальнаго сооруженія. И исправленія эти, по всѣмъ видимостямъ, не должны были ограничиваться добавленіемъ упомянутыхъ простѣнковъ. Въ массѣ щебня, образовавшаго изъ зданія церковнаго курганъ, кирпичъ вышеуказанной формы встрѣчается въ такомъ огромномъ количествѣ, котораго далеко не могъ дать одинъ небольшой простѣнокъ. Это новое обстоятельство дало нашимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ особое направленіе. Не теряя изъ виду разъясненія первоначальнаго сооруженія церкви, мы въ тоже время старались по возможности обследовать свойство и характеръ ея позднѣйшихъ исправленій.

Поэтому, опредѣливъ предполагаемый первоначальный горизонтъ пола церковнаго по углубленію наружныхъ стѣнъ и началу ихъ фундамента, мы начали постепенную очистку внутренняго пространства церкви съ мыслию найти въ ней остатки ея первоначальнаго или позднѣйшаго пола. Долго при этихъ работахъ мы имѣли дѣло только съ мусоромъ, перерытымъ кладочискателями. Но когда дошли до нетронутой ими почвы, нашли поверхъ предполагаемаго горизонта первоначальнаго церковнаго пола два совершенно ясно различаемые пласта, состоящіе изъ мельчайшаго щебня, золы, угля и разнаго рода наносной земли, а надъ этими слоями, на горизонтѣ значительно вышемъ сохранившіеся остатки пола позднѣйшаго. Полъ этотъ оказался состоявшимъ изъ квадратныхъ плитокъ разноцвѣтной цѣнины (нѣсколько бо-

лѣе $3\frac{1}{2}$ вершковъ длины и ширины и менѣ $\frac{1}{2}$ вершка толщины), уложенной на обыкновенной известковой подливкѣ въ шахматномъ порядкѣ. Прежде всего такой полъ обнаружился между сѣверо-восточнымъ и сѣверо-западнымъ церковными столбами; но когда мы стали раскрывать его по направленію къ самой срединѣ церкви (внутреннему между четырьмя столбами пространству), встрѣтили вмѣсто него только мельчайшіе кусочки цѣпины, какъ бы иструщенной и вбитой въ землю обрушившеюся на цѣпный полъ огромною, твердою и тяжелою массою. Затѣмъ остатки цѣпниного же пола и на томъ же самомъ уровнѣ мы нашли и между юговосточнымъ и югозападнымъ столбами, но отличавшіеся характерною особенностію. Въ ту пору какъ полъ между сѣверо-восточнымъ и сѣверо-западнымъ столбами былъ набранъ изъ плитокъ цѣпины болѣе или менѣ цѣльныхъ, полъ между юговосточнымъ и югозападнымъ столбами состоялъ исключительно изъ кусочковъ цѣпныхъ плитокъ разнообразной величины и формы. Не встрѣтивъ подъ этимъ поломъ никакихъ остатковъ пола болѣе древняго, а въ немъ самомъ встрѣтивъ матеріалъ очевидно набранный изъ подобнаго прежде существовавшаго пола, мы не могли не прійти къ заключенію, что въ найденныхъ остаткахъ мы имѣли остатки пола древнѣйшаго, но въ послѣдствіи поднятаго гораздо выше первоначальнаго его горизонта.

Такъ какъ открытіе стѣнъ съ наружной стороны требовало издержекъ и времени превышавшихъ тѣ средства и то время, которыми мы располагали, то мы ограничились очисткою наружной сѣверной стѣны, въ которой нашли, какъ замѣчено, слѣды дверей. Произведши эту очистку, мы и на этихъ дверяхъ нашли несомнѣнные признаки позднѣйшаго исправленія. Исправленіе это состояло въ подъемѣ порога и въ обкладкѣ откосовъ дверныхъ съ той и другой стороны. Въ поправку также былъ употребленъ упомянутый выше позднѣйшій кирпичъ и обыкновеннаго при-

готовленія извѣсть. Исправленныя такимъ образомъ двери имѣли порогъ значительно выше, а пролетъ значительно уже первоначальныхъ.

При всѣхъ раскопкахъ, какія нами были произведены, мы обращали постоянное вниманіе на возможную встрѣчу въ землѣ и мусорѣ тѣхъ или иныхъ остатковъ церковныхъ орнаментовъ или утвари и другихъ предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе или способныхъ дать такія или другія указанія на прошлое церкви. Но всѣ находки наши въ этомъ отношеніи ограничились слѣдующимъ. Очищая внутреннее пространство церкви, мы, пока имѣли дѣло съ мусоромъ и землею изрытыми уже кладонскаателями, встрѣчали въ значительномъ количествѣ только разбросанныя человѣческія кости, черепки отъ глиняныхъ сосудовъ, и въ одномъ мѣстѣ изъѣденный ржавчиною желѣзный ножъ; въ слояхъ же нетронутыхъ кладонскаателями и лежавшихъ вообще глубже позднѣйшаго пола нашли нѣсколько кусковъ растопленнаго и перемѣшаннаго съ углемъ олова, мѣдный небольшой кусокъ разбитаго колокола, небольшой же крючекъ и окиси желѣза, потерявшаго опредѣленную форму. При очисткѣ ниши въ югозападномъ углу церкви мы нашли на днѣ ея остатки человѣческаго костяка, лежавшаго головою къ западу и какъ бы вросшаго въ покрывавшую дно извѣсть, но голько—остатки, и при нихъ никакихъ вещей или украшеній. При очисткѣ сѣверной церковной стѣны снаружи мы встрѣтили въ мусорѣ красную шиферную бусу, а у фундамента стѣны двѣ спаянныя вмѣстѣ тонкія полоски олова. Постоянно и повсемѣстно мы встрѣчали только массу кусковъ раскрашенной въ разные цвѣта штукатурки; но встрѣчая на нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣды линий, которыя мы могли бы признать за складки одеждъ въ лицевыхъ изображеніяхъ или за изображенія лучей вокругъ тѣхъ или иныхъ предметовъ, мы не встрѣтили ни одного куска, который носилъ бы признаки изображенія лица. Постоянно также мы встрѣчали слѣды пожара, которому церковь под-

вергалась, повидимому, неоднократно. Находили мы большіе куски угля у стѣнъ церковныхъ изнутри глубже позднѣйшаго церковнаго пола; находили куски обугленного дерева и выше его. Между прочимъ, изслѣдывая сѣверныя церковныя двери и нашедши въ нихъ вмѣсто порога съ наружной стороны вложенную въ стѣны длинную плиту изъ краснаго шифера, со внутренней стороны мы нашли этотъ порогъ состоявшимъ изъ соотвѣтствующей толщины деревянной доски. При позднѣйшемъ подъемѣ порога новыми слоями кирпича одинаково были заложены обѣ его части. Но въ томъ видѣ, въ какомъ порогъ мы нашли, край деревянной его части изнутри церкви оказался обугленнымъ, но остальное дерево не сгорѣвшимъ, а согнившимъ; такое обугленіе могло произойти только при пожарѣ позднѣйшемъ, когда дерево первоначальнаго порога было уже скрыто въ стѣнѣ.

Сводя собранныя такимъ образомъ изъ раскопокъ данныя и сопоставляя ихъ съ извѣстными намъ особенностями древнихъ и позднѣйшихъ сооруженій Кіева, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Церковь, остатки которой скрывались до настоящаго времени въ холмѣ, образовавшемся изъ ея же собственныхъ развалинъ, по своей первоначальной постройкѣ принадлежить несомнѣнно къ древнѣйшему періоду исторіи Кіева. Построена она была по общему плану небольшихъ церквей древняго Кіева, каковы: Васильевская (нынѣ Трехсвятительская), Успенская на Подолѣ, Троицкая на св. воротахъ лаврскихъ и Предтеченская при великой лаврской церкви. По размѣрамъ употребленнаго въ кладку ея кирпича, она ближе другихъ подходитъ къ церкви Васильевской (тоже — Трехсвятительской). Не смотря на скромные свои размѣры, она была построена лицомъ, предполагавшимъ имѣть въ ней усыпальницу для себя или членовъ своей фамиліи. Ниша въ югозападномъ углу церкви, очевидно, была предназначена принять кости основателя церкви, какъ предназна-

лись къ тому же подобныя ниши и въ другихъ древнихъ церквахъ, напр. Золотоверхо-Михайловской, и проч. Придавъ церкви подобное назначеніе, строитель не щадилъ до извѣстной степени издержекъ на ея украшенія. Въ постройку ея какъ и въ постройку другихъ церквей древняго Кіева, сооруженныхъ князьями, кромѣ матеріала мѣстнаго, кирпича и камня, въ значительной массѣ шелъ матеріалъ привозной—красный шиферъ, употребленіе котораго въ сооруженія едва ли не превышало средства частныхъ лицъ. Значительные остатки цѣнины, какъ настилки половой, куски расплавленного олова, какъ вѣроятные остатки олова кровельнаго, служатъ также указаніемъ на значительную цѣнность первоначальнаго сооруженія.

Но принадлежа по своей первоначальной постройкѣ къ древнѣйшимъ и лучшимъ церквамъ Кіева, церковь эта по тому послѣднему виду своему, въ какомъ застало ее разрушеніе, принадлежитъ несомнѣнно періоду уже послѣ—татарскому. Разгромъ татарскій оставилъ ее, очевидно, въ полномъ опустѣніи. и оставилъ не на короткое время. Закладка пролетовъ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣверною и западною стѣнами церкви, стѣснявшая и безъ того не просторную внутренность церкви, могла быть вызвана только необходимостію поддержать арки или своды церковные, грозившіе паденіемъ въ зданіи, долго находившемся въ заброшенномъ состояніи. На такое же долговременное состояніе запустѣнія указываетъ и позднѣйшая обкладка дверныхъ откосовъ, съ поднятіемъ двернаго порога и пола церковнаго вообще, и проч. Сверхъ того, очищая отъ мусора внутренность церкви, мы нашли въ одномъ мѣстѣ у южной ея стѣны (нѣсколько западнѣе пролета между нею и юговосточнымъ столбомъ) нѣсколько рядовъ кирпича позднѣйшей формы сложенныхъ на извести такъ, какъ бы и въ томъ мѣстѣ была дана особая подпора церковному своду или контрфорсъ стѣнѣ. Употребленіе же въ простѣнкахъ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣверною стѣною

кирпича древней формы на обыкновенной известковой подмазкѣ служить указаніемъ, что за упомянутый періодъ своего запустѣнія зданіе церковное успѣло не только повредиться, но и обрушиться въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ. Кирпичъ этотъ могъ быть набранъ только изъ такихъ частей. А что разрушеніе его было весьма значительно, видно изъ весьма значительной массы кирпича позднѣйшей формы, потребовавшейся и употребленной для исправленія церкви вообще.

При этомъ исправленіи церковь потеряла между прочимъ и большую часть пилястръ, выступавшихъ изъ стѣнъ ея внутрь по линіямъ ея внутреннихъ столбовъ, и получила ту раскраску и разрисовку, слѣды которой такъ многочисленны на кускахъ оставшейся отъ ней штукатурки. Кромѣ общаго характера этой раскраски и разрисовки, говорящаго не о древнемъ русско-византійскомъ вкусѣ, сравнительно-позднѣйшее происхожденіе ихъ доказывается на нашъ взглядъ весьма просто тѣмъ, что кусокъ штукатурки съ такою разрисовкою былъ найденъ нами на простѣнкѣ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣвѣрною стѣною,—простѣнкѣ позднѣйшей кладки. Церковь при томъ была окрашена и разрисована, повидному, не только изнутри, но и снаружи. Подтвержденіемъ этому послужили для насъ куски окрашенной штукатурки, которые мы находили одинаково при очисткѣ стѣнъ какъ внутри, такъ и снаружи, и находили въ такихъ углубленіяхъ стѣнъ наружныхъ, куда они никакъ не могли попасть изъ внутреннихъ частей церкви. Подобную, наружную раскраску и разрисовку церквей мы считаемъ даже отличительною принадлежностію мѣстнаго вкуса извѣстнаго времени. Слѣды ея мы находили на великой лаврской церкви. На древней южной стѣнѣ этой церкви, отчасти же поднимающейся надъ послѣднимъ и скрывающейся подъ кровлею, сохранилось именно подъ кровлею въ наружномъ оконномъ углубленіи (нишѣ) и до настоящаго времени цвѣтное изображеніе растенія, какъ

кажется намъ, весьма сходное по краскамъ и кисти съ тѣми, слѣды которыхъ мы замѣчали на нѣкоторыхъ кускахъ штукатурки разсматриваемой нами церкви.

Но когда именно производилось исправленіе послѣдней съ точностію опредѣлить трудно. Впрочемъ мы едва ли ошибемся, если отнесемъ его къ самымъ первымъ временамъ послѣ-татарскаго періода. Такъ называемая нами позднѣйшая форма кирпича, употребленнаго при этомъ исправленіи, должна быть на дѣлѣ признача древнѣйшею формою кирпича, вошедшаго въ употребленіе въ періодъ послѣ-татарскій. Мы не встрѣчали ее ни въ какихъ извѣстныхъ поправкахъ, надстройкахъ и пристройкахъ древнихъ кіевскихъ церквей, которыя производились съ XVII столѣтія.

Реставрированная въ періодъ послѣ-татарскій, церковь подверглась новому и послѣднему опустошенію огнемъ и обратилась затѣмъ въ развалины. Когда постигло ее это окончательное разрушеніе, по тѣмъ даннымъ, какія представляютъ самыя развалины, судить, разумѣется, трудно; но несомнѣнно, что это случилось во времена еще не слишкомъ отъ насъ отдаленныя. Рвы, которыми благочестивое чувство нашихъ прадѣдовъ нашло необходимымъ оградить разрушавшуюся святыню, еще не успѣли засыпаться. Не усохли или по крайней мѣрѣ не выродились еще и тѣ липы, которыя окружали ее во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ изъ нея развалины образовался простой курганъ. Но все же случилось это во времена достаточно отдаленныя отъ насъ для того, чтобы память о церкви ускользнула изъ живаго народнаго преданія. Кромѣ упомянутаго мимоходомъ названія мѣста „Ольговою могилою,“ намъ не удалось подслушать никакого преданія о церкви, кромѣ повторявшихся на разные лады нашихъ же собственныхъ о ней предположеній.

Первымъ предположеніемъ, къ которому мы пришли при начальномъ еще осмотрѣ кургана съ открывшимися въ немъ развалинами, было то, что въ этихъ развалинахъ мы встрѣтимъ именно остатки церкви св. Симеона въ такъ на-

зываемомъ Копыревѣ концѣ древняго Кіева. Основаніемъ для такого предположенія служила намъ самая мѣстность, въ какой находилась церковь.

Вопреки мнѣніямъ—Берлинскаго, отводившаго Копыреву концу мѣсто въ нынѣшней Плоской части Подола противъ Юрковицы,—Максимовича, полагавшаго, что конецъ этотъ былъ надъ теперешнимъ Подоломъ на горѣ Вздыхальницѣ,—Закревскаго, утверждавшаго, что мѣстность этого имени должна была находиться въ промежуткѣ горъ Щекавики и Кисилевки, гдѣ соединяется Глубочица съ Кожемяками,—мы думаемъ, что Копыревъ конецъ, лежавшій, какъ думали и они, съ сѣверной стороны древняго Кіева по пути къ нему изъ Вышгорода, лежалъ не передъ Подоломъ и не на Подолѣ, а на горѣ передъ Кіевомъ пагорбнымъ, и не на Вздыхальницѣ вблизи нынѣшней Андреевской церкви, а западнѣе Вздыхальницы подлѣ древнихъ Жидовскихъ, впоследствии—Львовскихъ воротъ, отъ выхода изъ нихъ направо. Свое мнѣніе мы выводимъ изъ сказаній лѣтописи Ипатьевской или Кіевской о походѣ на Кіевъ Всеволода Ольговича, о погребеніи Игоря и объ оборонѣ Кіева противъ наступавшаго на него со стороны Лыбеди Юрія Долгорукаго. Находимъ подтвержденіе ему и въ сказаніяхъ той же лѣтописи о смерти Изяслава Давидовича и лѣтописи Лаврентіевской о взятіи Кіева Романомъ Галицкимъ.

Подъ 1140-мъ годомъ лѣтопись Ипатьевская говоритъ: *Пойде Всеволодъ Оловичъ изъ Вышегорода къ Києву, изрядивъ полки. и пришедъ ста у города въ Копыревъ конци, и нача зажитати дворы, иже суть предъ городомъ въ Копыревъ конци, мѣсяца марта въ 4 день; а Вячславъ противу не изиде, и пр.* Буквальный смыслъ словъ: *ста у города въ Копыревъ конци, и нача зажитати дворы, иже суть предъ городомъ въ Копыревъ конци*, даетъ видѣть, что стоя въ Копыревомъ концѣ, Всеволодъ стоялъ у самыхъ стѣнъ или валовъ нагорнаго Кіева, собственно—города, и тамъ именно жегъ прилегавшіе къ стѣнамъ или валамъ дворы, а не на Подолѣ между Щека-

виною и Киселевкою, и еще менѣе—передъ Подолемъ противъ Юрковицы. Слова лѣтописца, что *Вячъславъ противу не изиде*, объясняютъ достаточно, какимъ образомъ Всеволодъ, перейдя свободно Подолъ (если шолъ черезъ Подолъ), могъ сразу занять такое положеніе у самыхъ стѣнъ нагорнаго Кіева. Далѣе подъ 1147 годомъ, рассказавъ объ убіеніи кіевлянами Игоря Ольговича, свезеннаго затѣмъ на *Подоліа* и брошеннаго на торговниці, таже лѣтопись о погребеніи его говоритъ: *И повелъ тысяцкой взяти Игоря, и вземше ѿ положиха въ церкви св. Михаила... Субботѣ же свитающы, посла митрополитъ шумена Онанью святаго Теодора; и пріѣхъ шуменъ, и видѣ нагою, и облече ѿ, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на конецъ града, въ монастырь святому Семеону (бѣ бо монастырь отца его и дѣда Святослава) тамо положиша. А подъ 1150 годомъ таже лѣтопись добавляетъ: Въ тоже время Святославъ Омовичъ перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Копырева конца, въ Черниовъ, и положиша у святаго Спаса въ теремъ. Называя такимъ образомъ Копыревъ конецъ концемъ града, а не *Подоліа*, и представляя тѣло убитаго князя взятымъ и увезеннымъ съ *Подоліа*, лѣтопись даетъ ясно видѣть въ Копыревомъ концѣ мѣстность нагорнаго Кіева, но только такую, которая была оставлена внѣ района окружавшихъ его стѣнъ или валовъ. Затѣмъ изъ свидѣтельства той же лѣтописи подъ 1121 годомъ видно, что въ Копыревомъ концѣ, кромѣ церкви или монастыря св. Симеона существовала еще церковь св. Іоанна. А подъ 1151-мъ годовомъ, описывая оборону Кіева противъ Юрія Долгорукаго, наступавшаго со стороны Лыбеди, лѣтопись представляетъ расположеніе оборонявшихся въ такомъ порядкѣ: *Якоже идуца Вячъславъ (въ Кіевъ для его защиты), Изяславъ не ходяща въ городъ, ста товары передъ Золотыми вороты у Язины, а Изяславъ Давыдовичъ ста межи Золотыми вороты и межи Жидовскими противу Бориславлю двору, а Ростиславъ съ сыномъ своимъ Романомъ ста передъ Жидовскими вороты, и многе множество съ ними, а Городеньскій Борисъ у Лядскихъ во-**

ротъ, Кіянє же вѣymi своими силами, и на конѣхъ и пѣши и тако стаѣа, а промежи князи сѣмо стаѣа отъ Вячѣслава, отъ Изяслава поправу, оли до Изяслава и Ростислава, а отъ Ростислава оли до Оловы мошлы, а польву Вячѣслава и Изяслава оли до Лядѣскихъ воротъ; и тако стаѣа около всего города многое множество. И отъ Торчинѣ же и Володимерь приде... Вячѣславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Володимиру пойти съ Берендѣи, и съ вѣжами и съ стады ихъ пойти къ Оловѣ, и стаѣа мѣжи дебрѣи отъ Оловы оли и въ огородъ святаго Іоаннѣа, а сѣмо оли до Щковичѣ, а Коуевѣ и Торчи и Печенѣзи туда стаѣа отъ Золотыхъ воротъ нѣ тѣмъ огородомъ до Лядѣскихъ воротъ, а оттолъ оли и до Клоуа и до Берестоваю и до Угорѣскихъ воротъ и до Днѣпра. Хотя лѣтопись такимъ образомъ и не называеѣ Копырева конца, но очевидно включаетъ его въ линію обороны Кієва съ сѣверной стороны, вправо отъ воротъ Жидовскихъ, когда говоритъ о кієвлянахъ, ставшихъ сѣмо... поправу... отъ Ростислава (стоявшаго передъ Жидовскими воротами) оли и до Оловы мошлы; потому что Берендѣямъ за ними отводитъ проходы между дебрѣи, начиная отъ Ольговой мошлы до огорода церкви св. Іоанна въ Копыревомъ концѣ, а по направленію къ Подолу—до самой Щекавики. Щекавика, очевидно, уже позади Копырева конца, была такимъ же послѣднимъ пунктомъ обороны Кієва съ сѣверо-востока, какими были Угорѣскія ворота и Днѣпръ съ юго-восточной его стороны. Послѣ, подъ 1162 годомъ Ппатѣевская же лѣтопись, рассказывая о бѣгствѣ Изяслава Давидовича отъ Бѣлгорода къ Кієву и о пораженіи его войскъ, настигнутыхъ Торками на Желани, смерть его описываетъ такъ: *Изяслава же постигоша ко озерамъ вѣздѣча въ борокъ, и постиже ѣ Воиборъ Негечевичъ и сѣче по главѣ саблєю... и ту летъ съ коня, и везе ѣ Мѣстиславъ ле жива посла въ монастырь къ святому Семену, еже естъ въ Копыревѣ конци, и пр. Копыревѣ конецъ съ монастыремъ святаго Симеона* такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ является мѣстностью ближайшею и самою сподручною для

подступившаго къ Кіеву съ бѣлгородской дороги Мстислава, куда онъ могъ, не вступивъ еще въ самый Кіевъ, перенести смертельно раненнаго князя; какимъ конецъ этотъ и былъ, если лежалъ передъ Жидовскими воротами отъ выхода изъ нихъ вправо, или для подступающаго къ нимъ со стороны бѣлгородской дороги влѣво. Наконецъ, подъ 1202 годомъ лѣтопись Лаврентьевская о взятіи Кіева Романомъ Галицкимъ говоритъ: *И ѡѡа на борзѣ со всѣми полки къ Кіеву Романъ, и отвориши ему Кыяне ворота Подольская въ Копыревѣ конци, и вѣѡа въ Подолье, и посла на гору къ Рюрикови и ко Оловицамъ, и води Рюрика къ кресту и Оловицъ, и т. д.* На этотъ разъ Копыревъ конецъ является мѣстностію, чрезъ которую съ той же бѣлгородской дороги, помимо нагорнаго укрѣпленнаго Кіева, легко было проникнуть на Подоль, въ которой находились и ворота, охранявшіе путь къ послѣднему съ той стороны.

Въ виду всѣхъ этихъ, на нашъ взглядъ совершенно ясныхъ, указаній на мѣстоположеніе древняго Копырева конца относительно нагорнаго Кіева и Подола, единственное мѣсто, къ которому онъ можетъ быть приученъ, представляетъ собою позднѣйшій Кудрявецъ. Находясь въѣ района валовъ и стѣнъ древняго нагорнаго Кіева, онъ представляетъ собою со стороны Вышгорода и Подола единственно удобный подступъ къ Кіеву нагорному, давая нападающему сравнительно большую возможность развернуть на горѣ передъ его стѣнами свои силы; въ то же самое время онъ единственно представлялъ собою и прямой путь на Подоль со стороны Лыбеди и Бѣлгорода по дорогѣ, которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, начинаясь между Шекавиною и Кисилевкою и поднимаясь по балкѣ между отрогами Кудрявца, всходила на гору противъ Львовскихъ воротъ и направлялась далѣе къ западу. Какъ такая мѣстность, Кудрявецъ именно долженъ былъ играть ту роль въ нападеніяхъ на Кіевъ и въ оборонахъ Кіева, какая приписывалась лѣтописными сказаніями Копыреву

концу. И если такіе почтенные изслѣдователи мѣстной старины, какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, не узнавали Копырева конца въ Кудрявцѣ, то виною тому были не лѣтописныя упоминанія о Копыревомъ концѣ, а позднѣйшія свидѣтельства о бывшей въ этомъ концѣ церкви св. Симеона.

Въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ о Кіевѣ названіе Копырева конца исчезаетъ вовсе (если названіе части Кудрявца—*Копцы* не считать сокращеніемъ—*Копырцы*, и не видѣть въ немъ искаженія древняго названія той мѣстности). Но бывшая въ томъ концѣ церковь упоминается, какъ существовавшая еще, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія. Объ ней говоритъ какъ о существовавшей въ его время, въ 1638 году, Кальнофойскій, и на своемъ планѣ, приложенномъ къ Тератургимѣ, представляетъ ея рисунокъ. Объ ней упоминается, какъ о существующей, въ житіи св. Владиміра, произведеніи XVII-го же вѣка, помѣщенномъ въ Пчелѣ, извѣстной по списку, сдѣланному въ Крупиць-Полѣ 1679 года. Эти послѣднія свидѣтельства о церкви св. Симеона, высказанныя безъ всякихъ притязаній на какую нибудь топографическую въ отношеніи мѣстности Кіева отчетливость, и создали неразрѣшимыя затрудненія для тѣхъ изслѣдователей, которые думали въ нихъ видѣть именно послѣднюю.

Въ своемъ Тератургимѣ Кальнофойскій, какъ извѣстно, оставилъ описаніе Лавры, находившагося противъ ней монастыря Вознесенскаго и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, лежавшихъ отъ ней по направленію къ тогдашнему Кіеву (*ажъ до самаго Кііова*). Для большей ясности онъ приложилъ къ этому описанію нѣчто въ родѣ плана, на которомъ начертилъ, какъ умѣлъ, наружный видъ мѣстностей и зданій о которыхъ въ описаніи говорилъ. Пока дѣло шло о Лаврѣ и мѣстностяхъ ближайшихъ къ ней, Кальнофойскій по своему еще заботился о топографической отчетливости, употребляя въ описаніи выраженія: *влѣво, вправо, взадь, троха*

взадъ, и т. п., и давая соотвѣтственную тому разстановку рисункамъ зданій и направленіе черточкамъ, долженствовавшимъ изображать тропинки и дороги на планѣ. Но и при этомъ уже полное незнакомство его съ правилами съемки мѣстностей обнаруживается наглядно помѣщеніемъ на планѣ монастыря Николая Пустыннаго непосредственно подлѣ Лавры подлѣ обрывомъ горы отъ Спасской церкви къ Днѣпру. Когда же потомъ, продолжая описаніе, Кальнофойскій доходитъ до валовъ, окружавшихъ старый Кіевъ, чрезъ который шла дорога къ Подолу, собственно-тогдашнему *Кіеву*, свои незатѣйливыя топографическія указанія: *вправо, влево, позади* и т. д., онъ бросаетъ вовсе, а начинаетъ просто пересчитывать сохранившіяся тамъ до его времени древнія церкви, повидимому, въ порядкѣ сравнительной величины ихъ, называя церкви: св. Софіи, архангела Михаила, св. Θεодора, св. Василия и Десятинную. Объ отводѣ же этимъ церквамъ соотвѣтствующаго взаимнаго положенія на планѣ онъ заботился еще менѣе, ограничиваясь кое-какимъ изображеніемъ наружнаго ихъ вида, но разставляя рисунки ихъ, какъ позволялъ свободный уголокъ листка, помѣщая напримѣръ церковь архангела Михаила между церковію Софійскою и Десятинною къ сѣверозападу, и т. п. Большую сравнительно заботливость о топографической отчетливости Кальнофойскій обнаруживаетъ снова, когда доходитъ до церкви св. Симеона и говоритъ затѣмъ о спускѣ на Подоль. „Церковь св. Симеона, говоритъ онъ, надъ самымъ Кіевомъ, а прочія лежатъ подъ холмами, кажется на вѣкъ погребены; отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, внизъ съѣздъ до жалостнаго Кіева (Подола), который въ нынѣшнемъ состояніи едва-ли достоинъ своего древняго имени“, и пр. Соотвѣтственно этому и на планѣ своемъ онъ представляетъ церковь св. Симеона стоящею на холмѣ, надъ обрывомъ, между двумя воротами, ведшими изъ стараго Кіева къ сторонѣ Подола, и чертитъ дорогу, спускавшуюся отъ однихъ изъ этихъ воротъ къ Подолу.

Но эти ворота и этот спускъ къ Подолу являются на его планѣ уже прямо обращенными къ Печерску, а самый Подолъ лежащимъ почти въ смежности съ монастыремъ Пустынно-Николаевскимъ. Такой характеръ оставленнаго Кальнофойскимъ описанія и плана Кіева его времени не отнимаетъ у нихъ въ извѣстномъ отношеніи весьма важнаго значенія для изученія мѣстной старины. Для ознакомленія съ наружнымъ видомъ и расположеніемъ Лавры, напр. монастыря Возпесенскаго, церкви Спасской и окружавшихъ ее дворовъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка описаніе Кальнофойскаго и планъ его составляютъ безспорно драгоценный источникъ. Какъ ни кратки и неопредѣленны и другія указанія его на мѣстности и древнія зданія стараго Кіева, и какъ ни грубы представленныя имъ на планѣ рисунки послѣднихъ, они во многихъ отношеніяхъ служатъ ничѣмъ не замѣнимыми пособіями при изученіи кіевскихъ древностей. Но пользуясь описаніемъ и особенно—планомъ Кальнофойскаго, необходимо не выпускать изъ виду упомянутого характера ихъ. Разъ забывъ о немъ и вообразивъ встрѣтить на планѣ во всѣхъ его частяхъ такую же по крайней мѣрѣ топографическую отчетливость, съ какою представлена на немъ Лавра, мы должны были бы, напр., древней Десятинной церкви отвести приблизительно мѣсто нынѣшняго католическаго костела, церкви св. Θεодора—Крещатицкой площади, воротамъ на Подолъ—середину нынѣшняго Александровскаго спуска, а церкви св. Симеона—мѣсто памятника надъ нимъ св. Владиміра; мѣсто самаго же Подола или Кіева времени Кальнофойскаго искать на мѣстѣ Днѣпра ниже нынѣшняго Подола. Бьющая въ глаза нелѣпость подобныхъ выводовъ не могла, разумѣется, не воздержать отъ нихъ сколько нибудь серьезныхъ изслѣдователей мѣстной старины. Никто изъ нихъ плану Кальнофойскаго слѣпо не довѣрялся. И покойный М. А. Максимовичъ, какъ замѣтили мы, хотя и не отнесъ, руководясь между прочимъ Кальнофойскимъ, мѣстности Копырева конца

и церкви Симеона къ сѣверу отъ стараго Кіева и западу отъ Подола, приурочилъ однакоже ее къ Вздыхальницѣ,— искалъ сѣвернѣе того мѣста, къ которому долженъ бы приурочить, если бы довѣрился исключительно плану Кальнофойскаго.

Другое позднѣйшее свидѣтельство о церкви св. Симеона читается, какъ сказали мы, въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ Пчелѣ. Тамъ о св. Андреѣ Первозванномъ говорится: „Пришедши на горы Кіевскіи, благословивъ ихъ, и крестъ святыи на нихъ, гдѣ теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ.“ Само по себѣ это свидѣтельство мѣстности, въ которой стояла церковь св. Симеона не опредѣляетъ, а опредѣляетъ этою мѣстностію, какъ извѣстною всѣмъ и каждому, мѣсто водруженія креста апостоломъ Андреемъ. Но для покойнаго Максимовича оно явилось опредѣляющимъ мѣсто и самой церкви св. Симеона по сопоставленію съ другими сказаніями о мѣстѣ водруженія св. Андреемъ креста на горахъ Кіевскихъ. Лѣтопись Густинская, напр., говоритъ, что св. Андрей *крестъ... водрузи недалеко нынѣшней брамы отъ помудня*. А лѣтописецъ южно-русскій говоритъ: *Вшедши (св. ап. Андрей) на гору, подлѣ которой теперь брама Кіевская стоитъ, и церковь Воздвиженія креста святого, благослови и крестъ поставилъ (Синописисъ также... и крестъ водрузи на мѣстѣ, идѣже по семъ церковь Воздвиженія Креста Господня сооружися)*. Такъ какъ въ этихъ свидѣтельствахъ мѣсто водруженія св. ап. Андреемъ креста приурочивалось прямо къ нынѣшнему Андреевскому отдѣленію стараго Кіева: то покойный Максимовичъ и счелъ себя въ правѣ приурочить именно туда и Копыревъ конецъ съ церковію св. Симеона.

Но если въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами позднѣйшихъ свидѣтельствахъ о церкви св. Симеона не искать болѣе того, что ими дѣйствительно дается, мы не найдемъ въ нихъ основаній, почему бы открытые нами на Кудравцѣ разва-

лины древней церкви мы не могли признать развалинами именно церкви св. Симеона.

Выраженія Кальнофойскаго: „Церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ,“ могли быть одинаково примѣнимы къ этой церкви, стояла ли она на Вздыхальницѣ нѣсколько сѣвернѣе нынѣшней Андреевской церкви къ Подолу, или на Кудрявцѣ, на мѣстѣ извѣстныхъ развалинъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ церковь одинаково находилась бы „надъ самымъ Кіевомъ“ времени Кальнофойскаго, если идти къ этому Кіеву по тому направленію, по какому ведетъ читателя Кальнофойскій. Какъ этотъ былъ собственно Подоль, предмѣстьемъ которому служили Кожемяки, или Кожемяцкая слобода, какъ называются они въ „Росписи Кіеву“ 1682 года. Ворота, чрезъ которые приводитъ къ нему читателя внизъ мимо замка Кальнофойскій, были безъ всякаго сомнѣнія такъ называемыя въ „Росписи“ Кіевскія ворота, находившіяся подлѣ нынѣшней Андреевской церкви, къ западу отъ ней. На своемъ планѣ Кальнофойскій представляетъ ихъ стоящими какъ бы въ ущельѣ, начинавшемся отъ церкви Десятинной и круто спускавшемся къ Подолу. По этому ущелью онъ показываетъ на планѣ и дорогу на Подоль—дорогу, которая могла въ его время идти только Кожемяками и приводитъ къ Подолу чрезъ такъ называемыя Кожемяцкія ворота у Щекавики. Въ ѣзжавшимъ на Подоль у этого пункта,—въѣзжали-ль они чрезъ Кожемяцкую слободу, или отъ Лыбеди черезъ Кудрявецъ,—церковь, стоявшая на отрогѣ послѣдняго, входившемъ въ промежутокъ Киселевки и Щекавики, также точно могла казаться стоящею надъ самымъ Кіевомъ, какъ если бы стояла она и впереди нынѣшней Андреевской церкви.

Но называя церковь св. Симеона стоящею надъ самымъ Подоломъ, Кальнофойскій на своемъ планѣ представляетъ ее стоящею отъ упомянутыхъ Кіевскихъ воротъ на Подоль вправо,—стоящею на отдѣльномъ холмѣ надъ обрывомъ, въ промежуткѣ при томъ между тѣми воротами и

другими, которыя представляет стоящими еще правѣе. Послѣднія ворота мы можемъ признать только за такъ называемыя въ то время Львовскія ворота. Такое положеніе, даваемое Кальнофойскимъ церкви, на планѣ, даетъ намъ во всякомъ случаѣ болѣе права искать ее на Кудрявцѣ, чѣмъ на Вздыхальницѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Кальнофойскій помѣстилъ бы ее не правѣе, а лѣвѣе Кіевскихъ воротъ, и не въ промежуткѣ между ними и Львовскими на отдѣльномъ холмѣ надъ обрывомъ.

Свидѣтельство житія св. Владиміра о положеніи церкви св. Симеона на мѣстѣ водруженія ап. Андреемъ креста на горахъ Кіевскихъ, какъ понятно само собою, можетъ еще менѣе, чѣмъ свидѣтельство Кальнофойскаго, служить возраженіемъ противъ признанія отрога Кудрявца за мѣстность церкви св. Симеона. Древнѣйшія лѣтописныя сказанія о водруженіи креста ап. Андреемъ, какъ извѣстно, мѣста этого водруженія не опредѣляютъ. Позднѣйшія же опредѣленія его имѣли въ своемъ основаніи, очевидно, и позднѣйшія соображенія. Тѣ, кто приурочивали это мѣсто къ мѣстности нынѣшней Андреевской церкви, руководились единственно существованіемъ тамъ въ извѣстное время церкви Воздвиженія креста Господня. Фактъ существованія церкви съ такимъ названіемъ на взглядъ мѣстныхъ ученыхъ XVII вѣка служилъ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что церковь эта была построена даже на самомъ мѣстѣ водруженія, какъ утверждаетъ то въ Синописисѣ. Но писатель житія св. Владиміра, очевидно, съ этими соображеніями еще знакомъ не былъ, а если и былъ знакомъ, не придавалъ имъ, какъ слишкомъ свѣжимъ, особой важности. Отыскивая съ своей стороны мѣсто на Кіевскихъ горахъ, на которомъ, надъ тогдашнимъ Кіевомъ, св. апостолъ Андрей могъ бы лучше всего водрузить крестъ, онъ съ меньшимъ правомъ могъ найти его на Кудрявцѣ, на мѣстѣ церкви св. Симеона, съ какимъ другіе находили въ Андреевскомъ от-

дѣленіи стараго Кіева на мѣстѣ церкви Воздвиженія креста Господня.

Болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ нашего мнѣнія объ открывшихся на Кудрявцѣ развалинахъ, какъ о развалинахъ церкви св. Симеона, можетъ казаться то, что существовавшая на Кудрявцѣ древняя церковь имѣла сравнительно небольшіе размѣры. Но подобное возраженіе тогда только имѣло бы дѣйствительную силу, если бы лѣтописныя сказанія о церкви или монастырѣ св. Симеона выставляли зданіе церкви или монастыря замѣчательнымъ именно со стороны ихъ сооруженія. Между тѣмъ монастырь св. Симеона, если и получилъ особую лѣтописную извѣстность, получилъ ее не вслѣдствіе величія своего сооруженія, а вслѣдствіе того роковаго значенія, которое суждено было ему имѣть для потомковъ строителя его, Святослава,—для Ольговичей, во время борьбы ихъ съ Мономаховичами, и которое само по себѣ могло на языкѣ кіевлянъ, не любившихъ Ольговичей, пріурочить, пожалуй, къ его именно мѣстности названіе „Ольговой могилы.“ Не выдается своими размѣрами церковь св. Симеона и на планѣ Кальнофойскаго. Напротивъ, за исключеніемъ церкви Десятиной, Кальнофойскій даетъ ей меньшіе, чѣмъ всѣмъ другимъ, размѣры,—приблизительно такія же какъ и церкви Васильевской, а слѣдовательно, приблизительно тѣ самыя, какіе имѣла дѣйствительно церковь на Кудрявцѣ.

Но свидѣтельство Кальнофойскаго, подтверждаемое отчасти и свидѣтельствомъ житія св. Владиміра, важно для насъ особенно въ томъ отношеніи, что говоритъ самымъ положительнымъ образомъ о существованіи церкви св. Симеона по крайней мѣрѣ еще въ первой половинѣ XVII столѣтія. Церковь, развалины которой мы изслѣдывали, существовала несомнѣнно, поддерживалась и по своему украшалась въ періодъ послѣ-татарскій. Какъ такая, она должна была войти въ списокъ древнихъ церквей Кальнофойскаго,

не перечислившаго лишь тѣ изъ нихъ, которыя въ его время лежали уже подъ холмами, какъ бы на вѣки погребеннымъ,—лежали т. е. въ такомъ видѣ, въ какомъ въ послѣднее время оказалась лежавшею церковь на Кудрявцѣ. Сравнительно же съ спискомъ Кальнофойскаго, изъ мѣстной статистики исчезла безслѣдно именно лишь церковь св. Симеона и исчезла въ промежутокъ 1638 года, когда издалъ свою Тератургиму Кальнофойскій, и 1682 года отъ котораго сохранилась извѣстная „Роспись городу Києву.“ Въ послѣдней о церкви св. Симеона не упоминается. Такою, ускользнувшюю изъ мѣстной памяти церковію, и ускользнувшюю сравнительно не въ очень отдаленныя отъ насъ времена, и оказывается церковь на Кудрявцѣ. Рвы, которыми окружены ея развалины,—липы которыми обсажены, доказываютъ несомнѣнно, что еще въ половинѣ по крайней мѣрѣ прошлаго столѣтія, когда (въ 1763 г.), по словамъ митрополита Евгения, разводился на Кудрявцѣ регулярный садъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ, развалины еще ясно давали видѣть въ себѣ развалины именно—церковнаго зданія, а не просто холмъ или курганъ. Окончательное запустѣніе, разрушеніе и забвеніе самого имени этой церкви, если она была церковію св. Симеона, весьма просто объясняется условіями, въ которыхъ съ начала XVII вѣка находилась ея мѣстность. Съ 1604 года Кудрявецъ, какъ извѣстно, попалъ въ руки латинскихъ бискуповъ и на немъ появился бискупскій замокъ, уединившій еще болѣе и безъ того уединенное положеніе стоявшей на отрогѣ его православной церкви. Независимо отъ причинъ случайныхъ, въ родѣ пожара, явные слѣды котораго остались въ развалинахъ, для окончательнаго запустѣнія и разрушенія церкви достаточно было одного упомянутаго сосѣдства. Когда же затѣмъ въ началѣ XVII ст. запустѣвшій Кудрявецъ возвращенъ былъ во владѣніе православныхъ кіевскихъ митрополитовъ и на немъ былъ построенъ загородный митрополитанскій домъ, митрополитъ Іосафъ Краковскій уже предпочелъ возстановленію

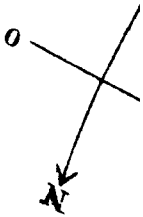

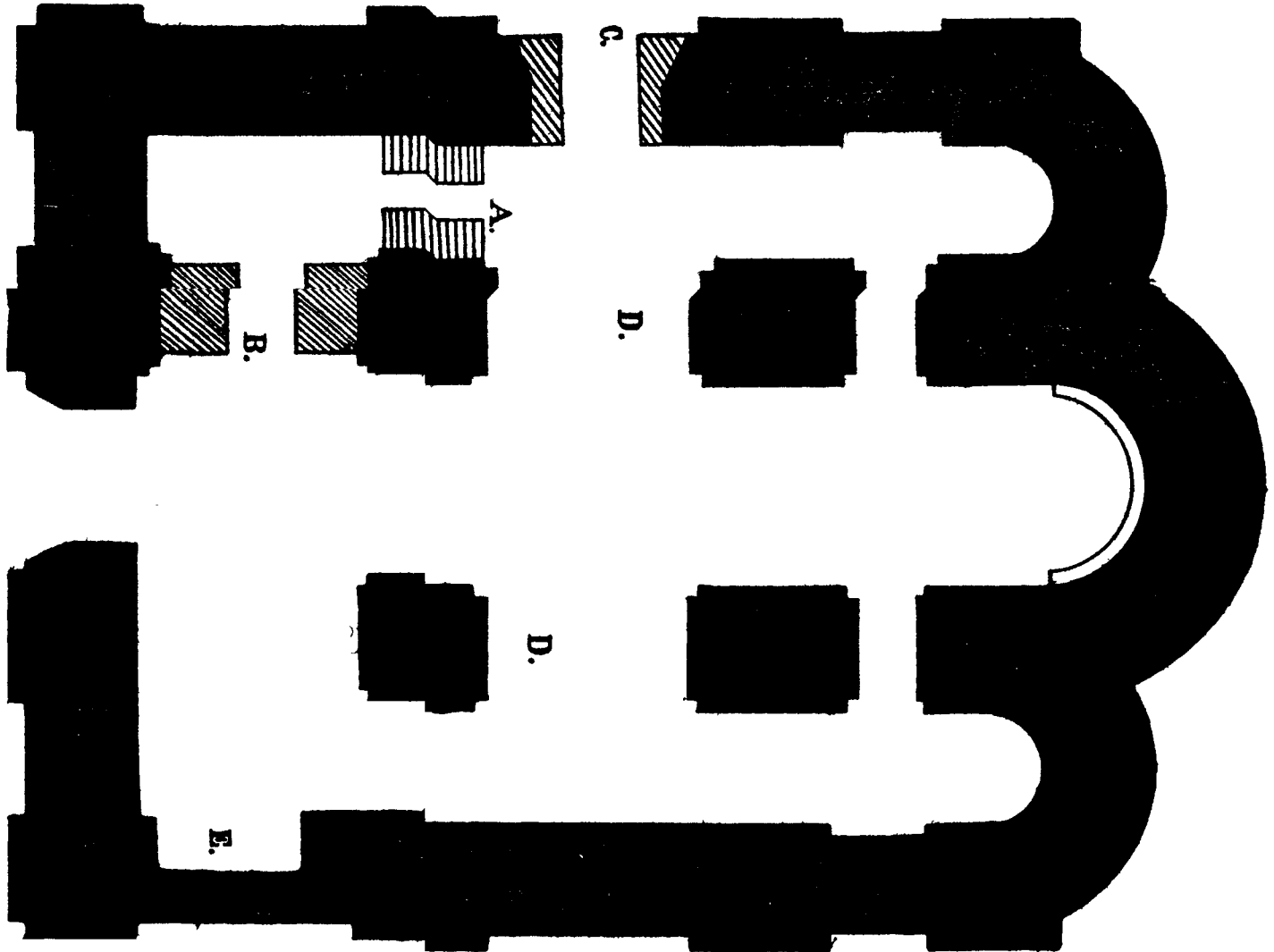
изъ развалинъ древней каменной церкви постройку тамъ, въ качествѣ домовой, новой деревянной церкви. Мѣстность древней отошла въ загородній митрополитанскій садъ, и слѣдовательно стала недоступною для народа вовсе, а новая деревянная,—существовавшая до послѣдняго времени подъ именемъ Вознесенской,—церковь естественно должна была заслонить въ его памяти и самое имя первой.

И. Лашкаревъ.

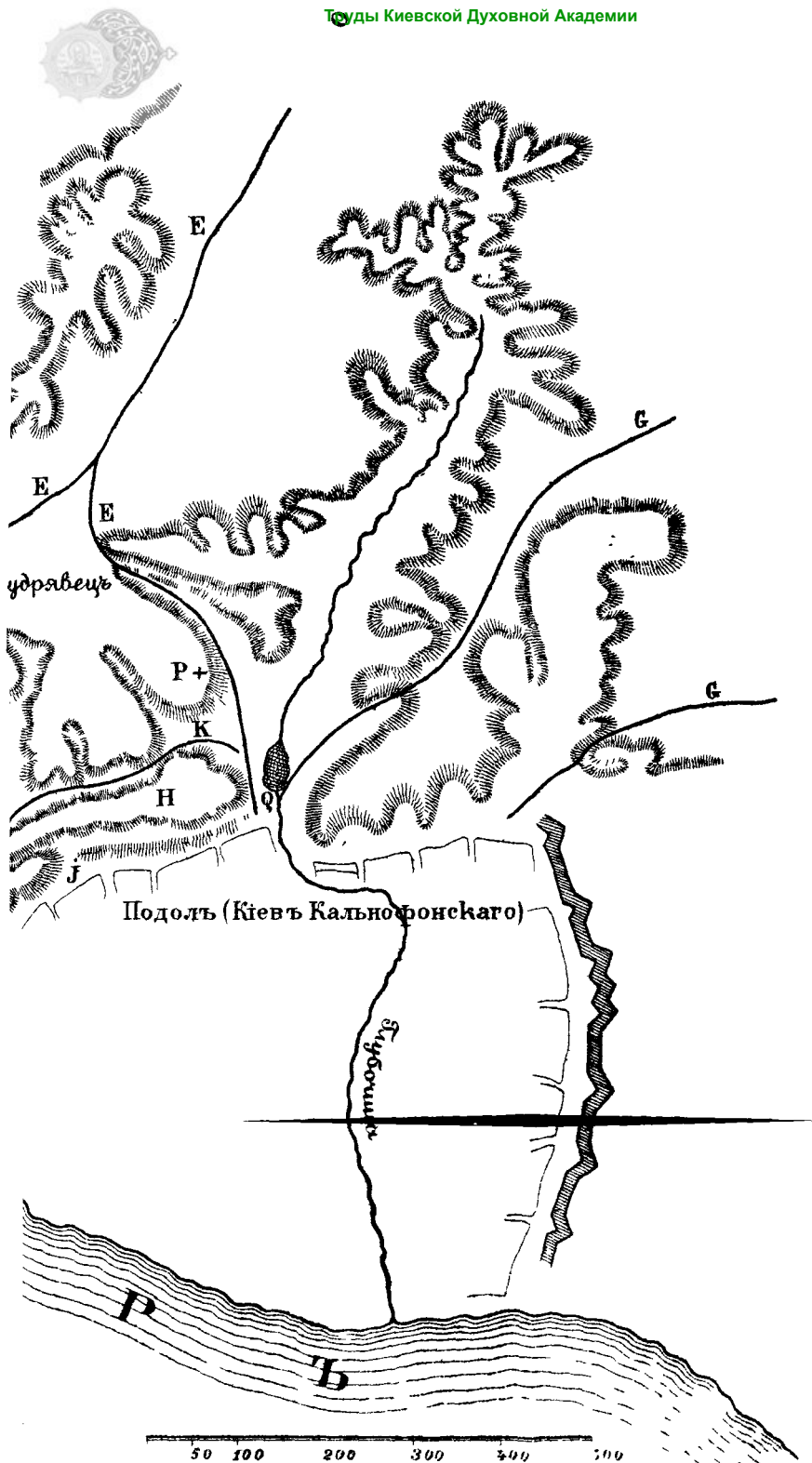

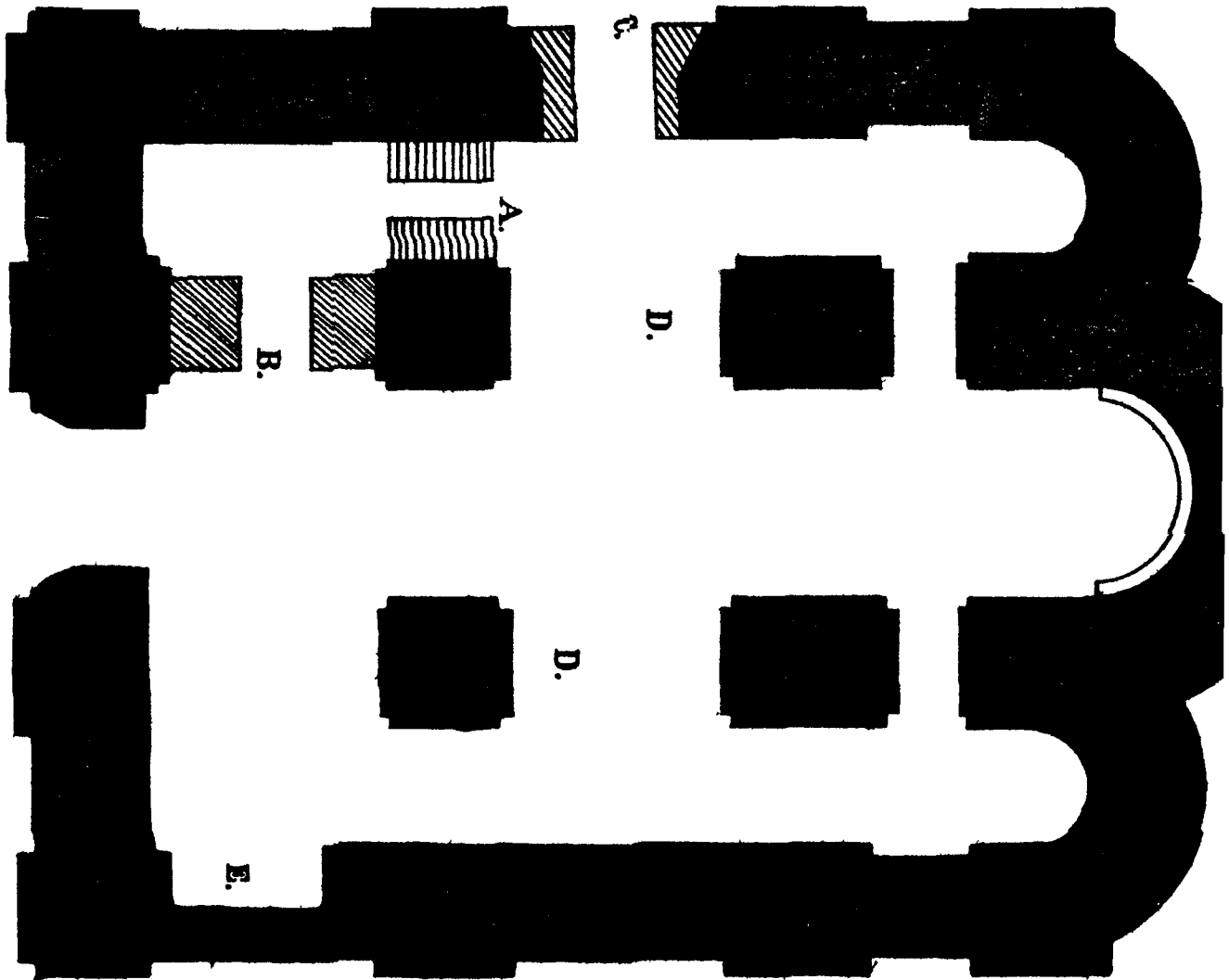

д. Пространство из дерева в церкви
на обитываемой ивотской подшане.
В Пространстве из дерева, ивотской
формы, на обитываемой ивотской подшане.

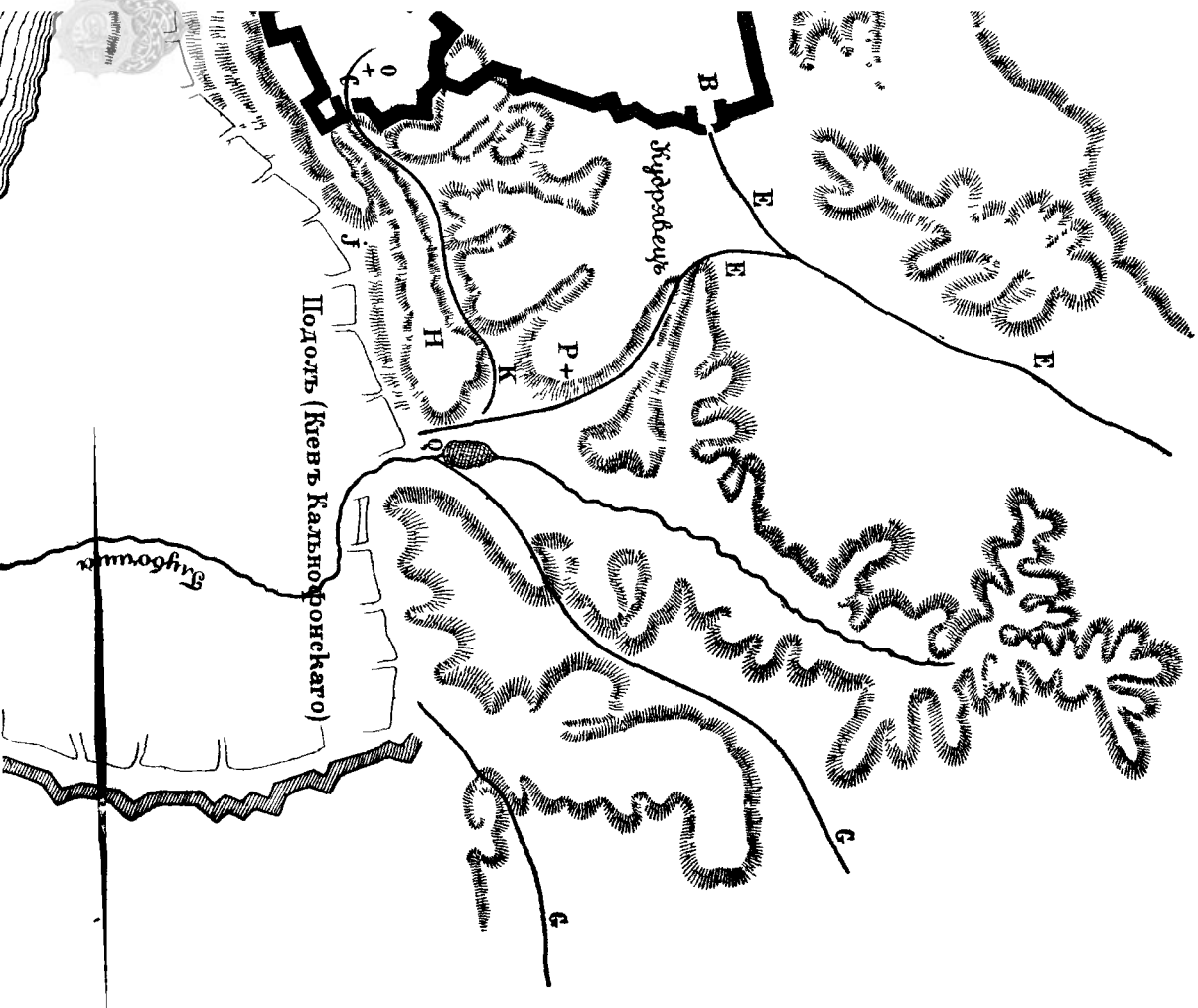
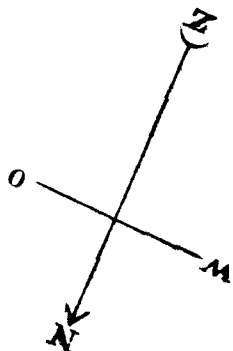
2.000

А. Пространство над двойною галерею.
 В. Пространство над галерею надвальной
 формы, на обит. земли не подвешено.
 С. Галерея над обит. земли, надвальной.
 Д. Домогли на обит. земли.
 Е. Ниша в подвальной части церкви.

2 метра

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ НА КУДРЯВЦѢ.

